Журнал «Живая старина», 1994 г., № 4, с. 56-57

С.Ю. Неклюдов

Г. Л. Пермяков (1919 — 1983)

В 1967 году в Институте востоковедения состоялся исключительно интересный доклад о логико-семиотической структуре пословиц и поговорок. Автор этого доклада, тогда еще совершенно неизвестный ученому миру, был немолод, жил в городе Жуковском, а по своему статусу являлся инвалидом войны и пенсионером. Что же привело его в ученое сообщество, нарушив весь ритм предшествующей жизни, и какова была эта предшествующая жизнь?

Родился Григорий Львович Герман в 1919 году в Перми — городе, давшем ему постоянный псевдоним, под которым он впоследствии и писал, и печатался. Он не закончил ИФЛИ из-за начавшейся войны, пошел на фронт и практически сразу же получил контузию, которая сделала его больным на всю жизнь — больным той самой болезнью, которая и свела его в конце концов в могилу. Доучивался он в Казахском университет, затем работал в Алма-Ате, а с 50-х годов — в Москве и под Москвой, переменив целый ряд литературных и близких к литературным профессий: журналиста, редактора, даже цензора.

Примерно с начала 60-х годов Григорий Львович ради заработка много занимается переводами фольклорно-этнографической литературы. Он переводит с немецкого языка сборники, преимущественно содержащие тексты образцов архаических (и достаточно экзотических) культур Азии, Африки, Океании (народа бауле, бушменов, папуасов, малайцев и др.). Вышло в общей сложности семь книг, обычно представляющих собой классические труды, давно известные в мировой науке (собрания Г. Химмельхебера, Г. Невермана, Д. Коль-Ларсена, Г. Келера и др.). Печатались они в Издательстве восточной литературы (Главной редакции восточной литературы издательства “Наука”), где Григорий Львович имел постоянный и необходимый ему для жизни приработок, к которому, впрочем, он относился увлеченно и без внутреннего принуждения. Казалось, ничто не должно было нарушить этот порядок вещей, когда б не случайное обстоятельство, имевшее далеко идущие последствия — не только биографические (для самого Григория Львовича), но и научные (Для развития теоретической фольклористики).

В те годы было известно, что одним из самых выгодных для издателей типов книг являлись сборники пословиц и поговорок, собиравшие большие тиражи и хорошо расходившиеся. И вот по соображениям чисто коммерческим у Г. Л. Пермякова возникла идея составления антологии пословиц и поговорок народов Востока. С присущей ему энергией и основательностью Григорий Львович приступил к реализации этой идеи на практике, положив в основу уже вышедшие к тому времени по-русски отдельные национальные сборники восточных пословиц и поговорок.

И здесь-то возникла совершенно неожиданная проблема. Собственно говоря, до этого Г. Л. Пермяков обычно имел дело с целым сборником, который надо было перевести весь, с первой до последней страницы, никак не меняя последовательности текстов. Здесь же он столкнулся с материалом огромным и дробным, исчисляемым тысячами единиц (72 народа, 50 сборников, около 7 тысяч речений), с материалом, который просто надо было как-то расположить в книге. Поскольку же этот материал был не мононациональным, а охватывающим очень большое количество разнообразных языков и культур, все классификации, которые применялись до этого времени, (алфавитная, лексическая. монографическая, генетическая, тематическая и пр.), практически оказались неприемлемыми. Надо было как-то выходить из положения, предложив совершенно новый принцип систематизации текстов. И составитель нашел его, сделав открытие, которое по своему значению вполне сопоставимо с открытым в 20-е годы В. Я. Проппом принципом морфологической организации волшебной сказки. Именно тогда и родился ученый Григорий Львович Пермяков; было же ему около пятидесяти лет.

Его талант, его умение по-новому взглянуть на вещи, редкостная ясность аналитического мышления позволили предложить классификацию, поразительную по своей простоте и оригинальности. Эта, по удачному выражению М. С. Харитонова, “менделеевская таблица пословиц” заключала в себе идею всестороннего охвата паремиологического фонда — и как единой универсальной системы, и как набора пословиц и поговорок в фольклоре какого-либо определенного народа. Перебор всех возникающих логико-семиотических вариантов явился настолько исчерпывающим, что позволил найти место для каждой зафиксированной пословицы, а также определить возможность существования пословиц, не зарегистрированных собирателями, но, очевидно, реально существующих. Для этой цели были выработаны абстрактные классификаторы — своего рода “координаторные оси” пословичных речений. Это — система формообразующих и предметно-тематических групп, построенных как ряды логических и семантических оппозиций. Успех классификации был определен глубочайшим проникновением в природу паремий как знаков ситуаций, инвариантных по отношению к конкретным пословицам и поговоркам.

Григорий Львович торопился. Всего-то ему было отпущено немногим больше полутора десятков лет с того момента, как он начал свою научную работу, и эта ограниченность жизненных сроков для него, больного смертельной болезнью, не была тайной. Спасало же — до поры, до времени — поразительное жизнелюбие, основательная и светлая привязанность к этому миру, к подмосковному лесу, к наливкам и грибам, в которых он знал вкус и разбирался профессионально.

Интересно, что, занимаясь исследованием такой области, как “суждения здравого смысла”, сам Григорий Львович этим здравым смыслом обладал в огромной степени. Даже значительная часть его публикаций (прежде всего, сборники пословиц и поговорок) имела некоторый “практический аспект”: это были книги, издаваемые большими тиражами и хорошо расходящиеся — приходилось зарабатывать себе на жизнь. Однако и полностью отдавшись новому для него научному творчеству, Григорий Львович умел находить те формы, которые были доступны и не слишком подготовленным читателям. При этом трудно назвать автора, до такой степени далекого от литературной стороны филологического труда, как Г. Л. Пермяков. Для него главным было сформулировать задачу и изложить ее решение; писал же он поразительно ясным, точным и, в сущности, простым языком (хотя и с использованием большого количества специальной терминологии). Было это продиктовано заботой о читателе или просто являлось естественным свойством его натуры, но работы его удивительно хорошо построены именно в дидактическом плане. Читать их всегда увлекательно и приятно. Они словно бы представляют собой некое многоуровневое пространство, открытое с разных сторон. Скажем, в предисловии к своему сборнику он специально предупреждает, что для общего понимания проблемы можно ограничиться лишь чтением какого-либо определенного раздела вступительной статьи или даже простым просмотром публикуемых текстов — этого окажется достаточно. Действительно, он умел соположить материал таким образом, что и без специальных пояснений сами приводимые иллюстрации способны были очень многое сообщить об идеях автора. Из него, конечно, вышел бы замечательный преподаватель, но этой возможности — рассказывать студентам о своем предмете — он, к сожалению, был лишен.

Вокруг Григория Львовича собиралось много людей, привлеченных обаянием его личности и притягательностью его творческих идей. Как основатель нового направления в паремиологии, он являлся консультантом, руководителем, редактором для многих сотрудничавших с ним ученых, как молодых, так и зрелых. Он был прекрасным организатором научной работы и научного книгоиздания — свидетельством тому вышедшие под его редакцией фольклорные сборники в академических сериях “Пословицы и поговорки народов Востока”, “Сказки и мифы народов Востока” и,

конечно, составленные им коллективные труды “Паремиологический сборник” (1978) и “Паремиологические исследования” (1983).

Григорий Львович еще многое предполагал сделать и очень многого не успел; но вот уж поистине не количеством измеряется труд ученого! Структурная паремиология как специальная научная дисциплина, несомненно, началась именно с его работ, имевших немалый резонанс в мировой науке — насколько это вообще можно говорить применительно к столь узкой исследовательской области. Большинство его трудов переведено на иностранные языки, они обильно рецензировались (такими учеными, как М. Кууси, А. Дандес, В. Фойт). В русле его концепций написан ряд отечественных и зарубежных работ (А. Крикманна, П. Гржибека и др.), в том числе и полемических. Он регулярно печатался в международном паремиологическом журнале “Proverbium” (Helsinki), ему был посвящен специальный выпуск журнала “Proverbium Paratum” (Budapest, 1981, № 2); в память его издан один из номеров международного семиотического журнала “Kodikas/Code. Ars Semiotica” (Vol. 7, № 3, 1984).

Если случайное обстоятельство имеет столь значительные последствия, оно уже не должно считаться случайным. В сущности, таких “неслучайных случайностей” в жизни Григория Львовича было много. Присущая ему огромной силы созидательная энергия и готовность под влиянием нравственной потребности, внезапного интереса или просто сложившейся ситуации взяться за совершенно новое дело (скажем, открытие новой школы или детской технической станции) неоднократно побуждали его к поступкам сильным, меняющим предшествующий ход жизни и всегда успешным по результатам. Так распорядилась судьба, что паремиология оказалась его последним делом, но гуманитарной науке, несомненно, очень повезло, что тридцать лет назад именно она стала делом Григория Львовича Пермякова.